

РУССКИЕ

1.

Никто не ожидал атаки на этом участке фронта. Командование было уверено, что немцы ударят южнее. И не сейчас, а позже, когда подойдут и развернутся резервы, о накоплении которых сообщали партизаны. К тому же, нападение произошло вопреки всем традициям вермахта – ночью, без артподготовки, авианалёта... Немецкая пехота подобралась к переднему краю в полной тишине. Если б не ракета, выпущенная кем-то из бдительных дозорных... Впрочем, это мало что изменило.

Когда Климов выскочил из землянки, повсюду кипел лютый рукопашный бой. Гремели выстрелы, освещая пространство вокруг пламенем дульных газов, слышались крики ярости, предсмертные стоны и отборный русский мат... Как только Николай перемахнул через бруствер, из темноты прямо на него выскочил дюжий немец. Климов выстрелил, почти не целясь. Потом кто-то сзади сдавил его шею, и пришлось упасть, чтобы освободиться от смертельной хватки. Жаркое дыхание врага пахнуло в лицо, под подбородком вновь сомкнулись пальцы. Николай наугад махнул кулаком, куда-то попал, но перед глазами ужеплыли цветные круги...

Очнулся Климов от жуткой боли в горле, тут же зашёлся хриплым кашлем и услышал:

- Guck mal, Klaus. Hier ist noch einer am Leben.¹

Всё ещё сотрясаясь от судорожных спазмов, Николай разлепил веки. Темнота истаяла, уступив место серому мареву раннего утра. Метрах в пяти поодаль стояли два фрица в камуфляже. Один, с треугольником ефрейтора на рукаве, был высокий и тощий, второй – низкорослый крепыш. Автоматы болтались у них на плечах.

- Пристрелим его? – предложил коротышка.

- Нет. Рейху нужна рабочая сила, – возразил долговязый.

Они перевели взгляды туда, где, прислонившись спиной к обрубку березы, лежал ещё один человек – политрук Петренко. Лицо и гимнастерка политрука были залиты кровью. Руками он зажимал страшную рану на животе. Автоматчики подошли ближе.

- Комиссар? – спросил ефрейтор.

Петренко выругался, отправив немца по известному адресу, и сказал, не отводя от противника взгляда:

– Климов, если ты правда оклемался, справа от тебя лежит пистолет.

Кровожадный Клаус снял с плеча автомат. Напарник придержал его руку.

- Зачем тратить пулю? У него все кишки наружу. Пусть подыхает в муках.

¹ Смотри, Клаус. Ещё один живой (нем.).

- Я их отвлеку, – прохрипел политрук. – Не знаю только, насколько сил хватит. Попробуй дотянуться до пистолета. – Он возвысил голос. – Ну, что, граждане захватчики, на какую тему побеседуем? Гёте, Шиллер? Маркса, конечно, не читали? Только «Майн Кампф»? Но в этой мутотени уже я не силён.

- Что он говорит? – проявил любопытство ефрейтор.

- Откуда мне знать? – Прикончим его – и дело с концом, – стоял на своём второй.

Климов осмотрелся и действительно увидел лежащий в траве пистолет. Затворная рама не отведена назад, курок на боевом взводе. Николай осторожно потянулся к оружию, обхватил рукоятку... Но высокий немец, видно, обладал отменным чутьём и моментально схватился за оружие.

- Aufstehen! Hände hoch!²

- Стреляй, Климов! – выкрикнул политрук. – Хоть одного с собой заберёшь!

Короткая очередь не дала ему продолжить. Клаус воспользовался случаем.

Ефрейтор приблизился к Николаю. Похоже, он не видел пистолета в его руке. Просто заподозрил что-то неладное. Можно успеть выстрелить. Если повезёт – первым. И если очень повезёт – попасть. А что потом? Клаус не промахнётся. Климов взглянул на политрука. Голова Петренко свесилась набок, глаза смотрели в вечность.

- Прости, – прошептал Николай. И понял, что напрасно. Простить может живой. Мёртвые не прощают.

2.

Уже часа три они шли без единого привала. Тех, у кого заканчивались силы, убивали. Раздавался выстрел, тело скидывали в кювет, и колонна продолжала движение.

Конвойные делали это не ради устрашения остальных или утоления злобы. Они даже не проявляли при этом особых эмоций. В первые месяцы войны опьянённые победами немецкие солдаты с интересом разглядывали многочисленных пленных, делая на их фоне фото для отправки любимым женам. Позже, когда маятник качнётся в обратную сторону, отношение изменится. Бесправным и безоружным станут мстить за собственные неудачи. Но в то время всё на фронте зависло в неопределённости. Одни ещё не верили, что не смогут победить. Вторые только начали по-настоящему верить, что победа неотвратима. Война уже не казалась немцам прогулкой, но и не стала борьбой за выживание. Война превратилась в работу. И они выполняли её со свойственной им пунктуальностью.

Солнце палило нещадно. Когда колонну всё же остановили, многие сели прямо там, где встали, но пленных быстро согнали на придорожную поляну со следами недавних боев. Николай пристроился у разбитой пушки и

² Встать! Поднять руки! (нем.)

постарался расслабиться. На выносливость он не жаловался никогда, сил хватало, но кто знает, сколько ещё придётся идти?

Рядом пристроился непривычно грузный для военного сержант с чёрным кантом инженерно-технических войск на погонах.

- Не помешаю? – поймав недоумённый взгляд Климова, он добавил: - Интеллигентские привычки изживаются с трудом.

По виду мужчине было за пятьдесят. Дышал он тяжело.

- Ополченец? – догадался Николай.

- Поначалу – да. После ранения хотели на завод вернуть, но я уговорил кадровика, чтобы при пушках оставили.

- Я тоже доброволец, – присоединился к их беседе молодой парень. – С первого курса института ушёл.

Выглядел он совсем юным, смахивая скорее на школьника, чем на студента. Говорил же быстрым, слегка вибрирующим голосом – верный признак ужаса, поедавшего изнутри.

- Почему они убивают пленных? Есть Женевская конвенция. Мы, правда, её не подписали, но немцы – цивилизованная нация...

- Как тебя зовут? – перебил Климов.

- Александр. Сергеевич. Только про Пушкина шутить не надо. Моя фамилия – Орлов.

- Какие шутки? Я с некоторых пор шутить вообще отвык. Недавно деревеньку отбили, на окраине церквушка стояла. А внутри... – Николай остановился. Жуткая картина до сих пор стояла перед глазами. – В общем, не надо здесь про цивилизованную нацию.

Орлов сглотнул.

- Это могло быть самоуправством отдельных частей.

- Оставьте его, – шепнул сержант. – Парень до смерти напуган, вы же видите.

У обочины, поднимая клубы пыли, остановился чёрный «Опель». Конвойные вскочили, оправляя форму. Из машины вышли два офицера. Унтер подскочил с рапортом, остальные бросились к пленным, поднимая их на ноги. Толпа вяло зашевелилась. Один из конвойных пустил поверх голов автоматную очередь.

Студент схватил Климова за рукав.

- Это расстрел, да? Расстрел?

- Да уймись ты! – огрызнулся Николай. – Когда расстреливают, в воздух не стреляют.

Вскоре пленные стояли вдоль дороги, выстроившись в две шеренги. Немецкие офицеры курили поодаль, беседуя друг с другом. Сержант явно прислушивался к их разговору.

- Знаете язык? – догадался Климов.

Он учил немецкий в школе, но совсем не понимал разговорную речь. Артиллерист не ответил, но когда офицеры укатили, шепнул:

- Плохо дело. Дальше поведут только физически крепких.

Конвойные пошли вдоль шеренги, выводя из строя раненых.

- Куда их? – спросил Орлов. – Может, в госпиталь?

- Не дай тебе бог попасть в этот госпиталь, сынок, – пробормотал сержант. – Выкати лучше грудь колесом и улыбайся.

Немцы подошли к ним. Унтер ткнул пальцем в грудь артиллеристу.

- Ein Schritt nach vorn!³

Тот изменился в лице.

- Komm raus, russisches Schwein!⁴

- Halt! – выкрикнул Климов, отчаянно мобилизуя весь свой словарный запас. – Er... sprechen... Deutsch. Sehr gut.⁵

Конвойные посмотрели на сержанта.

- Sprichst du Deutsch?⁶ – спросил унтер.

Тот сглотнул, проталкивая слюну сквозь пересохший рот.

- Ja.⁷

Немцы переглянулись и двинулись дальше.

- Спасибо, – артиллерист сжал ладонь Климова. Пальцы его заметно дрожали. – Правда, это не поможет. Если пойдём быстро, я всё равно не выдержу. Сердце. На медкомиссии удалось скрыть, а тут уже не скроешь.

- Поглядим. Умирать торопиться не за чем. Откуда так хорошо немецкий знаете?

- Долго рассказывать. Происхождение у меня... соответствующее. Специально на завод рабочим пошёл, чтобы, так сказать, загладить. Кстати, в порядке ответной любезности. Ищите возможность бежать при первом удобном случае. Даже если риск будет велик.

- Почему?

- Нас отправляют на завод по производству секретного оружия. Думаете, у тех, кто попадёт на такой завод, есть шансы остаться в живых?

По дороге в их колонну влились ещё две. Прибавилось и конвоиров. Впереди теперь ехал грузовик с офицером в кабине. Николай, памятуя слова сержанта, искал любую возможность для побега. Когда сгустились сумерки, он передвинулся поближе к обочине, но тут над головами идущих впереди показался столб шлагбаума железнодорожного переезда. Колонна подошла к станции. Станции, как таковой, правда, не было. Одинокий фонарь высвечивал лишь будку стрелочника и деревянный сарай поодаль.

Пленных выстроили вдоль полотна.

- Вот и всё, – Климов вновь стоял рядом с сержантом. Тот выглядел плохо, но тем не менее смог дойти до станции вместе со всеми.

- Не спешите, – ответил артиллерист. – Судьба, бывает, сдаёт козырь на прикупе.

Судя по этим словам, его биография, помимо происхождения, таила и другие секреты.

³ Шаг вперёд! (нем.)

⁴ Выходи, русская свинья! (нем.)

⁵ Стой! Он говорит по-немецки. Хорошо. (искаж. нем.)

⁶ Ты говоришь по-немецки? (нем.)

⁷ Да (нем.)

Вскоре послышался стук колёс приближавшегося состава. Перед шеренгой пробежали конвоиры, занимая намеченные места.

Сержант прочёл надписи на дверях первых вагонов.

- Оборудование вывозят. Станки.

- Вывозят? – Николай ощутил, как рождается в душе тихое злорадство. – Значит, отступать собираются. Хоть какие-то хорошие новости.

- Как думаете, нас покормят перед отправлением? – спросил студент.

Ему никто не ответил, хотя ответ знали все.

Наконец поезд остановился. Конвойные сбросили закидки на дверях. Из открывшихся проёмов пахло смрадом, потом показались измождённые человеческие лица. Некоторые, то ли решив, что путь окончен, то ли не выдержав обстановки, в которой находились, попытались спрыгнуть на землю, но тут же отпрянули, увидев наставленные автоматы.

- Воды! – крикнул кто-то из глубины. – Воды дайте, сволочи!

- Покормят, говоришь? – пробормотал Климов. – Ну-ну.

Конвойные начали толкать пленных к дверям, но тут послышался крик:

- Aufhören! Aufhören sofort!⁸

Со стороны последнего вагона вдоль путей шёл военный в кителе с витыми погонами. Вид у него был весьма грозный. Конвоиры замешкались.

Начальник поезда майор Отто Зейдлиц не находил себя от гнева. Мало того, что к составу со стратегическим грузом вопреки всем нормам добавили вагоны с пленными, так теперь ещё и это! Он увидел вдали офицера и ускорил шаг. Внезапно к нему бросился какой-то русский.

Когда бывший первокурсник Александр Орлов увидел глаза тех, кто находился в вагонах, в мозгу у него перемкнуло. Все мысли, которые роились на протяжении последних суток, разом куда-то выдуло. Остались только инстинкты. Вернее, один инстинкт – выжить.

Застигнутые врасплох конвойные отреагировали с запозданием, но первый же удар поверг Орлова на землю. Перед его лицом оказались вычищенные до блеска сапоги Зейдлица.

- Господин офицер! – закричал Александр. – Я не могу туда! Я не должен!

- Уберите эту тварь с моего пути! – приказал майор.

Орлова подхватили под руки, но он продолжал кричать:

- Я же сам! Я сам сдался в плен! Добровольно! Меня нельзя, как всех!

- Вот сволочь! – не выдержал Климов.

Остальные молча смотрели на происходящее. Одни оказались здесь против воли. Другие, подобно Николаю, не нашли в себе мужества сопротивляться до последнего. Наверняка были в строю и те, кто мог бы повторить слова Орлова. Но они тоже молчали.

Александр дёрнулся к сержанту, который, как показалось, смотрел на него с состраданием.

⁸ Прекратить! Немедленно прекратить! (нем.)

- Переведите! Переведите им то, что я сказал! Пожалуйста!

Подбежавший унтер отдал начальству честь.

- Прошу извинить за этот инцидент, господин майор. Прикажете ликвидировать?

Зейдлиц в раздражении бросил:

- Не вмешивайте меня в свои проблемы!

Он отправился дальше.

- Tötet ihr ihn nicht, bitte, – обратился к унтеру сержант. – Der Junge hat einfach aus Angst den Verstand verloren. Er wird schweigen.⁹

Унтер кивнул.

- Ja, er wird schweigen.¹⁰

В следующее мгновение тяжелый корпус автомата раздробил Орлову челюсть. Стоявшие в первом ряду подхватили падающее тело. Александр обхватил лицо и замычал. Говорить он теперь действительно не мог. Только глядел на окружающих его людей. Но те по-прежнему не встречались с ним взглядами.

- Зачем вы? – спросил сержанта Климов. – Пусть бы шлёпнули. Поделом.

- Не судите, да не судимы будете, – ответил тот.

Николай хотел возразить, но вспомнил политрука Петренко и промолчал.

Подойдя к офицеру с серебряными молниями в петлицах, Зейдлиц сразу перешёл к делу.

- Какое право вы имели останавливать состав? У меня стратегический груз и строгое предписание двигаться со всей возможной скоростью.

- У меня тоже приказ, – возразил командир конвойных. – В соответствии с ним я должен передать вам эту партию пленных.

- Передать? Вы знаете, сколько людей уже находится в вагонах? Мне просто негде их разместить.

- Повторяю, господин майор, у меня приказ.

Зейдлиц попробовал другие аргументы.

– Послушайте, оберштурмфюрер, я всё понимаю, но вы тоже должны понять. В каждый вагон уже было погружено по шестьдесят человек при норме в сорок. Поскольку я имею строгое предписание совершать остановки только в исключительных случаях, у меня нет времени их кормить и выводить для санобработки. Знаете, что это означает? Что смертность при перевозке по самым скромным подсчётам составит пятьдесят процентов! В каждом из этих вагонов уже сейчас не менее десяти покойников. Думаете, наше командование планировало привезти в фатерлянд трупы и тиф?

Эсэсовец подумал.

- В таком случае у меня есть предложение. Мы выгружаем умерших, и вы принимаете моих на освободившиеся места. Если ваши подсчёты верны, в

⁹ Не убивайте его. Мальчик просто потерял голову от страха. Он будет молчать. (нем.)

¹⁰ Да, он будет молчать (нем.)

вагонах окажется примерно то же количество лиц, что было в них изначально, только теперь вы повезёте живых.

Майор счёл предложение разумным.

- Хорошо, я согласен. Не будем терять времени. Задержки мне не простят.

Трупы, несмотря на спешку, не выкидывали из вагонов, а зачем-то сносили в сарай рядом с будкой стрелочника. Климов решил, что причиной тому – немецкая аккуратность. Несли умерших те, кто вскоре должен был занять их места. Сержант встал в пару с Николаем, хотя тот и пытался его отговорить:

- Берегите силы. Нас много, никто не станет вас заставлять.

Артиллерист лишь отмахнулся, подхватывая под руки очередное тело.

Поначалу трупы укладывали бережно, но скоро стали сваливать кое-как, заглушая укоры совести. В очередной раз избавившись от ноши, сержант бросил Климову:

- Стойте.

Он огляделся по сторонам – в сарае, кроме них, никого не было – и быстро сказал:

- Ложитесь!

- Что? – не понял Николай.

- Ложитесь сверху! Скорее!

Климов, наконец, догадался, чего от него хотят, и растерянно посмотрел на артиллериста.

- Да ложитесь же, господа! – повторил тот. – Лицом вниз, так проще притворяться. Не теряйте времени! Если смогу, попробую вас завалить.

Впоследствии Николаю казалось, что он бесконечно долго обдумывал отчаянное предложение, но в действительности это заняло лишь несколько секунд. Сержант с трудом перекатил на него труп и тихо шепнул:

- Теперь держитесь. Буду молиться за вас... Сюда кладите! – уже в полный голос сказал он, и вскоре Климов почувствовал на себе дополнительную тяжесть.

Ещё долго в сарай входили люди. Потом какое-то время звуки – голоса команд, кляцанье закидок на запираемых вагонах – доносились только снаружи. Наконец паровоз с шипением выпустил пар, лязгнули сцепки, и состав отправился в путь. Теперь Николай слышал только немецкую речь – конвойная команда готовилась к отъезду. Несмотря на невыносимый смрад, он решил продолжать притворяться мёртвым как можно дольше. Голоса вдруг приблизились. Затем послышались странные звуки, словно по стенам сарая хлестнули порывы ветра. Пока Климов раздумывал, что бы это могло быть, до него донеслось лёгкое потрескивание. И вскоре Николай ощутил запах дыма. Немцы подожгли сарай! Видно, не захотели оставлять в ближнем тылу источник заразы. На время Климов растерялся, не понимая, как ему поступить. Но клубы дыма, постепенно проникавшего внутрь, не оставляли времени для раздумий. Сгореть заживо? Лучше подставиться под пули.

Николай выбрался из-под тел и, уткнув нос в локтевой сгиб, приблизился к распахнутой настежь двери. В проём уже заглядывали одиночные языки пламени. Разглядеть что-либо снаружи не удалось, а треск горящей кровли заглушал звуки. Соблазн скрываться до последнего был велик, но кто знает, сколько продержится крыша? Климов осторожно выглянул наружу. Стены полыхали вовсю – красться на их фоне означало лишь увеличить шансы обнаружить себя. Решившись, Николай перешагнул через порог и изо всех сил ринулся к спасительной тьме.

Он не сомневался, что услышит за спиной автоматные очереди. Тьма не поможет – грузовик фарами подсветит стрелкам цель. Но его не заметили.

3.

План Климова был прост – идти строго на восток, избегая больших дорог и населённых пунктов. Если повезет – удастся наткнуться на партизан, которых в этих краях немало. Нет – нужно добраться до линии фронта и там уже решить, что делать дальше. Заблудиться в лесу Николай не боялся – они с друзьями часто ходили в походы. Чувство голода, нахлынувшее после того, как ушёл страх, удалось немного утолить ягодами, которые густо усеивали подлесок. Но организм требовал большего. Поэтому, когда на исходе первых суток обретённой свободы Климов наткнулся на небольшую деревню, то не стал, как прежде, обходить её стороной. Ему не удалось заметить никаких признаков жизни – ни звука, ни единого пятнышка света в тёмных окнах. На окраине, возле одинокой избы Николай увидел колодец и машинально облизал губы. Последний раз он пил днём из лесного ручья. Но цепь наверняка загремит, а где гарантия, что деревня и правда безлюдна?

В тишине скрипнула дверь. Климов замер. Скрип повторился. Кажется, из дома кто-то вышел на крыльцо. Николай, крадучись, подобрался к забору. Чиркнула спичка, вспыхнул огонёк... Потом кто-то закашлялся – явно мужчина – и Климов услышал:

- Чёрт тебя дерит, что за дерьмовый табак!

Русский!

подавив спонтанное желание сразу же обнаружить себя, Николай пытался понять, как же ему поступить? Сейчас этот человек выкурит свою папиросу, уйдёт обратно в дом и...

Он решился.

- Товарищ...

Огонёк дёрнулся в сторону.

- Кто здесь? – послышалось из темноты.

- Не бойтесь, я свой. – Климов распрямился и на всякий случай поднял руки. – И у меня нет оружия.

Человек приблизился. Теперь Николай видел не силуэт, а мужчину средних лет в белой рубахе поверх кальсон.

- Ты как здесь оказался? – спросил тот.

- Из плена бежал, – Климов опустил руки. – Я – красноармеец. Пробираюсь к своим. Скажите, в деревне нет немцев?

- Немцев? – Мужчина держался настороже, но его можно было понять. На дворе почти ночь, неизвестный человек рядом. – Немцев нет.

Николай испытал невообразимое облегчение.

- Можете дать мне воды? И... что-нибудь поесть. Хотя бы немного.

Мужчина смотрел на него, изучая. Потом показал рукой вправо.

- Калитка там.

Войдя во двор, Климов попытался на всякий случай успокоить хозяина.

- Если вы боитесь облавы, я сразу уйду. Хотя, честно говоря, устал смертельно. Мне бы хоть пару часов передохнуть.

- Никуда ты не уйдёшь. Красноармейца встречу, как полагается.

Хозяин открыл дверь, пропуская гостя. Николай шагнул в тёмные сени.

- Спасибо большое. Вы даже не знаете...

Он не успел закончить фразу. Затылок взорвался острой болью, и Климов второй раз за последние дни потерял сознание.

Очнулся он на полу. Но не избы, а какой-то хозяйственной пристройки. По стенам висели серпы и прочая утварь. Руки, заведённые за спину, были связаны. Как, впрочем, и ноги. Затылок отозвался на попытку повернуть голову тупой болью.

На табурете напротив сидел недавний собеседник. Теперь его гардероб дополняли галифе военного образца, сапоги и наброшенный на плечи форменный мундир. Свет стоявшей у ног керосиновой лампы позволял разглядеть детали непонятной формы. Мундир походил на немецкий, но петлицы на чёрном воротнике были незнакомыми – зеленые с серебряной полосой. На погонах красовались четырёхугольные звёзды.

- С возвращением, товарищ, – незнакомец заметил, что Климов открыл глаза.

Николай облизал губы.

- Кто ты такой?

- Зачем же сразу тыкать? Мы пока ещё близко не познакомились.

- Кто ты такой? – повторил Климов.

- Пролетарская грубость неисправима, – поморщился мужчина. – Что ж, представлюсь. Поручик Андрей Алексеевич Глебов. Чтоб тебе понятней было – старший лейтенант. – Он показал нашивку на рукаве. – Русская освободительная армия. Слышал о такой?

- Понятно.

Климов испытал нахлынувшее чувство досады. Их ведь предупреждали, что в немецком тылу появились власовцы. А он даже не вспомнил об этом, так его обрадовала русская речь.

- Так вот вы какие, иуды...

Поручик хмыкнул.

- Боже мой... Религиозная терминология в устах коммуниста. Ты же коммунист, конечно?

- Не успел пока. Только заявление подал.

- Пока? – Офицер присмотрелся к пленнику. – Присутствия духа, значит, не теряем? Хвалю. Если хочешь, буду посмертно считать тебя коммунистом.

- Ещё посмотрим, кто кого посмертно считать будет, – огрызнулся Климов.

- Ну-ну... – поручик погрозил пальцем. – Глупая бравада только портит впечатление. Из плена, значит, сбежал? Куда ж ты идёшь, дурашка? Не знаешь, что с такими энкавэдэшники делают? Трудовой лагерь для предателя родины – не самый худший вариант.

- Кто бы тут о предателях говорил?

- Ладно, – Глебов встал, прихватывая с пола керосинку. – И вправду, хватит разговоров. Спи до утра, если сможешь. А завтра...

- Давай сейчас стреляй!

- Стрелять? Зачем же? Всё будет по закону. Завтра сюда придёт команда «охотников», передам тебя им. Они будут рады.

Климов хотел было плюнуть в ненавистную рожу, но понял – нечем. Попить ему так и не довелось. Вместо этого он сказал:

- Не боишься меня одного оставлять? Вдруг сбегу?

- Не сбежишь. Узлы вязать я умею, спасителей ждать неоткуда. Здесь за домами два больших болота. Выглядят, как одно, но небольшое дефиле между ними, как выяснилось, есть. По нему партизаны из своего логова туда-сюда и бегали. Заодно в деревне кормились. Правда, немецкое командование сочувствие к народным мстителям не одобряет. Поэтому кормить их больше некому. К тому же, есть другая причина, по которой сегодня ночью партизаны в деревне точно не появятся. В общем, отдыхай.

- Гнида.

Ответа Николай не удостоился. Поручик ушёл, заметно хромя. Климов подёргал руками – да, вязать узлы власовец умеет. Но откуда ж ему знать, что до войны его пленник работал в цирке акробатом? Бывало, четверых на руках держать приходилось.

Потрудиться пришлось изрядно. Не раз и не два Николай оставлял попытки освободиться, отдыхал, потом принимался заново, вновь и вновь. Наконец, стиснув зубы от нестерпимой боли, он освободил руки.

Дверь сарая Глебов не запер – то ли верил в своё мастерство, то ли сарай вообще не запирался. Выбравшись со двора, Климов остановился. Подсознание молило уносить ноги подальше, но куда идти? Хотя луна время от времени проглядывала сквозь тучи, заблудиться в темноте проще простого. А вокруг – болота. Поручик, правда, говорил про дефиле, по которому в деревню ходили партизаны. Если б его найти – и напрямик к ним... Только вот сколько времени займут поиски? Того и гляди, начнётся рассвет. Да и власовец, как известно, покурить любит.

Николай посмотрел на дом. Может, разобраться с гадиной? Заодно разжиться оружием. С ним будет куда спокойнее. Только как это сделать? Лезть к медведю в берлогу опасно. Что, если...

Прихватив в сарае топор, Климов подобрался к дому и... громко постучал по стеклу. Потом дважды жахнул кулаком в дверь и прижался к стене, ожидая последствий.

Вскоре у окна посветлело – видно, Глебов подошёл к нему со свечой. Дурак. Что увидишь снаружи, если светишь изнутри?

- Кто здесь? – раздался приглушённый голос.

Николай выкрикнул фразу, которую произнёс вчера днём конвойный автоматчик:

- Komm raus, russisches Schwein!

Световой ореол у окна пропал. Климов взял топор поудобней, прикинул рост власовца, сделал замах и замер, искренне надеясь, что фокус «прокатит» и до рукопашной дело не дойдёт.

Загремел засов – Глебов оказался не так беспечен. Держа наготове пистолет, он показался в дверном проёме. В тот же момент обух топора влетел ему в живот, разом выбил дух и заставил сложиться вдвое. Удар по затылку – Николай вернул должок – скорее всего, раскроил бы череп поручика, но тело падало, удар пришёлся вскользь и лишь отправил жертву в глубокий нокаут.

Добивать беспомощного врага рука не поднялась. Климов наскоро скрутил его – может, ещё удастся поговорить про превратности судьбы. И пошёл в дом, прихватив по пути валявшийся на земле пистолет. У печи стояло ведро с водой. Николай хлебал живительную влагу до тех пор, пока не стало сводить скулы. Потом его внимание привлекли другие сокровища – галеты и початая банка тушёнки на столе.

Утолив голод, Климов осмотрелся вокруг внимательней и обнаружил на спинке кровати планшет. Внутри оказались какие-то карты. Назначения их Николай не понял, но находка, несомненно, была полезной.

Поручик не преувеличивал, когда говорил о том, что свои – особисты или партизаны – вряд ли примут вернувшегося из плена с распrostёртыми объятями. Разбираться будут долго, и чем закончатся разбирательства – вопрос. Но если прийти не с пустыми руками, а с трофейными картами – это зачтётся.

А что, если... Климов задумался. Притащить к своим офицера-власовца – это тебе не какие-то там непонятные карты. Запихнув в рот остатки галет, Николай сунул документы за пазуху и вышел на двор.

Ждать рассвета Климов не стал – встреча с «охотниками» его не прельщала. Поэтому, как ни хотелось отдохнуть перед трудной дорогой, сразу отправился в путь, взвалив на плечи живой трофей. В сознание Глебов так и не пришёл. Николай начал подозревать, что сломал власовцу шею.

Край болота обнаружился без труда – под ногами зачавкало. Осталось решить, куда именно идти в поисках прохода – вправо или влево. Климов двинулся влево и не прогадал. Шест – черенок от лопаты из сарая – скоро уткнулся в твёрдое. Николай положил пленника на землю – в любом случае стоит передохнуть – и проверил. Он действительно наткнулся на дефиле.

Узкий, не больше пяти-шести метров шириной, участок земли разделял поля болотной топи. Настроение сразу поднялось.

Климов вернулся за ношей. Вскидывая власовца на спину, он услышал, как тот застонал – видно, начал приходить в себя. Рот Глебову Николай затыкать не стал. Пусть кричит, если что. Немцы в лесу по ночам не гуляют, а коли услышат партизаны – и хорошо. Наткнёшься на дозор в тишине – с перепугу ещё застрелят.

Климов всей душой рвался вперёд, но двигался осторожно, постоянно проверяя почву. Ухнуть в трясины с таким грузом – верный конец, никакая палка не поможет.

Глебов зашевелился и замычал.

- Мычи-мычи, – поощрил Николай. – К нашим придём – там петь придётся, так что разрабатывай голос.

Через минуту поручик произнёс первую фразу.

- Где я?

- О! Да мы уже в сознанке?

Под правой ногой земля вдруг подалась. Николай отступил.

- А ну, лежи...

Он без церемоний свалил власовца на землю. Тот охнул и выругался – точно, оживает. Климов потыкал палкой – похоже, проход уходил влево.

- Выбрался-таки, значит...

Николай обернулся. Глебов смотрел на него осмысленным взором.

- А ты как думал? В советской школе, небось, учился. Нет таких крепостей, которые не могут взять большевики.

- Провались ты в ад вместе со всеми большевиками.

- Ну, нет. В аду я уже побывал. Теперь твоя очередь. Как болото перемахнём, партизаны тебе экскурсию устроят. Лежи, пока я путь проверю. Дальше своими ногами топтать будешь.

- Болото? – Глебов дёрнулся, пытаясь приподнять голову. – Где мы?

- Не узнаёшь? Сам же рассказал про дефиле.

- Стой! – заорал вдруг поручик.

- Кричи-кричи, – Климов продолжал изучать путь. – Так нам партизан искать не понадобится, сами нас найдут.

- Да стой же, идиот! Здесь мины!

Николай замер.

- Что?

- Мины! Проход заминирован! Как далеко мы зашли?

Климов произвольно посмотрел под ноги, хотя в темноте всё равно ничего бы толком не увидел.

- Недалеко пока. Метров двадцать от края, наверное.

- Тогда молись, если умеешь, что я вовремя очнулся. Ещё немного – полетел бы ты разными частями на встречу с товарищем Лениным.

Николай посмотрел в темноту. Туда, куда он так стремился. Потом представил, как делает очередной шаг, слышит тихий щелчок под сапогом...

Он вернулся и присел на корточки рядом с Глебовым.

- Откуда знаешь про мины?

- Оттуда, что мои люди их здесь поставили. Закрыли проход до прибытия «охотников».

- Что за «охотники»?

- Специальная команда для борьбы с партизанами.

- Ну, так для них-то наверняка лазейка оставлена?

- Конечно, оставлена. Только мне её откуда знать? Я не сапёр. Так что к партизанам ты не доберёшься. Беги лучше, куда глаза глядят. Может, и спасёшь свою шкуру.

Николай внимательно посмотрел в глаза власовцу.

- А не врешь ли ты мне, часом, господин хороший? Сказка-то больно хороша. Есть мины, нет – как в темноте проверишь? Никак. И остаётся красноармейцу Климову то ли впрямь бежать неведомо куда, то ли рассвета ждать. А там, глядишь, «охотники» твои на выручку подоспеют.

- Верить или не верить – твоя проблема.

- Да нет. – Николай встал. – Проблема общая. Потому что если нужно мне бежать куда глаза глядят, то ты для меня не трофей, а обуза. И раз так...

Климов достал из кармана пистолет. Поручик отпрянул.

- Стой! Не надо!

- Что? Соврал про мины?

- Нет. Но я знаю, как через них пройти. В темноте это невозможно, зато с рассветом...

Климов скривился.

- За дурака держишь? Надеешься протянуть до прихода твоей команды?

- Чтобы ты пристрелил меня, как только это выяснится? Какой смысл?

- Какой смысл? Пусть часок жизни, да выгадать. Или... – Николай придвинулся ближе. – Ты ж меня ненавидишь. Разменять жизнь на жизнь, отомстить, утащить хоть одного врага с собой в могилу – на такое вы, власовцы, не способны? Кишка тонка?

Презрительное выражение на лице Климова вдруг потеряло выразительность, поскольку из подсознания всплыли слова политрука: «Стреляй! Хоть одного с собой заберёшь!» Выходит, не только у Глебова кишка оказалась тонковата.

- Зачем менять жизнь на жизнь? – поручик отвлёк Николая от воспоминаний. – Твою я всё равно заберу. Только позже.

- Ты о чём?

- Из болот лишь один выход. Этот. Другого нет. Хочешь сам забраться в «мешок» – я тебя проведу. А потом мы придём за всеми вами. Врасплох, конечно, уже не застанем, но и вам деваться некуда. Видишь, я откровенен.

- Интересный вариант. А что, если мы успеем выйти до прихода твоих «охотников»? Проведешь туда – выведешь обратно.

- Не выведу. Мы заключим соглашение. Я проведу тебя через мины, а потом ты отпустишь меня.

- Даже не надейся.

- Тогда стреляй. Проверим, у кого кишка тонка.

Климов растерялся. Судьба опять ставила его перед выбором. И среди вариантов снова не было ни одного хорошего. Застрелить Глебова и уйти – оставить на растерзание «охотникам» застигнутых врасплох партизан. Согласиться на предложение – погибнуть в бою вместе с ними. Хотя... кто сказал, что из «мешка» нет других выходов? Глебов? Вряд ли он местный. А партизаны, наверняка, из здешних мест и могут знать секретные тропы.

- Хорошо. – Николай убрал пистолет. – Договорились.

- Этого мало. Поклянись, что отпустишь меня. Впрочем... о чём я? Чем вам, советским, клясться? Бога для вас нет. Здоровьем близких? Кто знает, живы ли они? Ладно, просто дай слово.

- И всё? Ты поверишь?

- Поверю. А знаешь, почему? Если обманешь – значит, я прав. Не люди вы. А я, такой вот предатель-выродок, умру человеком. И ты всю жизнь, сколько бы тебе ни осталось, будешь это помнить. Так как, даешь слово?

- Ладно. Даю. Что теперь?

- Ждём рассвета. Сколько сейчас времени?

Климов посмотрел на часы.

- Около трёх.

- Значит, примерно полтора часа осталось. Ослабь петли на ногах.

- Ага, и чаю тебе согрею.

- Если ноги онемеют, я не смогу идти. Тебе проводник нужен?

Николай немного распустил путы.

- Будешь дёргаться – затяну сильнее прежнего. И не рассчитывай, что усну.

- Ну, уж надеяться на это ты мне точно не запретишь.

Климов присел на траву поодаль и сразу встал. Земля, хоть и не плыла под ногами, всё же сочилась влагой. Оно и к лучшему. Если сесть, скоро захочется лечь, а там... Николай прошёлся по безопасному участку, вернулся, взглянул на Глебова. Тот лежал с закрытыми глазами. Притворялся или действительно заснул? Климов в раздражении ткнул власовца ногой в бок.

- Слышь, ты... Может, расскажешь, почём родину продал?

Поручик открыл глаза.

- Ты мою родину своим поганым языком не трожь. После того, что ваша власть с ней сотворила, нет у вас права эту землю родной для себя считать. Не дети вы её, а выкормыши.

- Ишь ты... Из бывших, что ли? Дворянский сынок недобитый?

- Не угадал. Из учителей. Глебовы в трёх поколениях детей добру, чести и правде учили.

- Чем же тебе, такому честному, советская власть не угодила?

- А тем, что нет в ней ни чести, ни правды, ни добра. Вы их давно в крови утопили. Да никак этой кровью напиться не можете. Всё вам мало.

- Я так понимаю, «чёрный воронок» кого-то из твоих забрал? – предположил Климов и, видно, угадал. Голос поручика набрал обороты.

- Моих? Да вы всех порядочных, честных, талантливых людей в России под корень извели. Не они у вас в чести, а подлые и бездарные. И ещё те, кто лозунги громко кричать умеет. Одни во лжи живут, другие – в страхе. Вот что такое ваша власть. Погибель от неё и стране, и людям.

- Неужто? Чего-то с погибелью не складывается никак, не замечаешь? А насчёт власти одну историю расскажу. В самом начале войны ранило меня – в сантиметре от сердца пуля вошла и застряла. Никто не хотел доставать, один только хирург взялся. Я, когда из госпиталя выписывался, поговорить с ним успел. У этого мужика, когда он в восемнадцатом году в институт поступал, за плечами четыре класса деревенской школы было. Ни один профессор брать не хотел – по комсомольской путёвке зачислили. Стал бы он врачом без советской власти, если б она ему не помогла?

- Не надо никому помогать – мешать не надо. Сильный и умный пробьётся сам. Таков закон природы.

- А слабых – на тот свет? Как твои гитлеровские друзья поступают? Это твой закон? – Николай распалился не на шутку. – Ты видел, что они с нашей землей творят? Той самой, о которой ты так печёшься? Только не ври, будто ничего не знаешь.

Климову показалось, поручик отвел взгляд.

- Это война. Такова цена искупления.

- Искупления?! Дети убитые для тебя тоже за советскую власть в ответе? Тогда у кого из нас руки в крови? Кто из нас Россию губит? Кто её в чужие руки своими руками отдаёт?

- Россия вечна. Она искупит свой морок, а потом переварит немцев, как когда-то переварила Золотую Орду. Переварит, выплюнет и возродится снова. Не мы, так потомки сделают это. – Глебов выдержал взгляд Николая. – Скажешь, таких, как я, мало? Не верь политрукам. Уже сейчас в нашей армии тысячи...

- Сейчас, может, и тысячи, – согласился Климов. – Жить-то многим хочется. Мне тоже... как выяснилось. Только посмотрю я на эти тысячи, когда у них под ногами земля гореть начнёт. Пока мы фашистскому орлу лишь крыло подбили, а скоро за горло схватим да перья выдёргивать начнём. Побегут тогда твои тысячи куда глаза глядят. А кто не убежит... Которые, вроде как не за себя, а за Россию воевали... Таким Россия в лицо посмотрит, да и харкнет от души.

Поручик молчал. Но Николай всё ещё не мог успокоиться.

- Ты мне вот что скажи... С коммунистами счёты сводишь – ладно. Только, когда из винтовки целишься, как ты коммуниста от беспартийного отличаешь? Если напротив тебя в окопе простой русский мужик сидит, который семью свою защищает – палец не дрожит?

- Нет там никакого простого мужика, – ответил Глебов. – Раз он на той стороне, раз оружие в руки взял – значит, выбор сделал. И должен за него отвечать.

- Понятно... Видно, и правда нам с тобой на одной земле не жить.

Николай наклонился к власовцу проверить путы. Рубаха и галифе поручика, которые тот успел натянуть, вскочив с кровати, промокли насквозь. Климов перетащил его на сухое место.

«Удивительный мы народ, русские, – подумал он. – Так любить чужих мало кто может. Бывает, незнакомцу последнюю рубаху отдадим. А уж ненавидеть своих – тут нам вообще равных нет. У французов вон, тоже революция была – за милую душу людей резали. Теперь вместе живут и зла не помнят. А мы... – Климов вновь посмотрел на поручика. – Как вместе ужиться, если то, что одному – счастье, другому – горе? О чём один мечтает, другому то по горлу ножом. Живи по закону, да терпи? Нет! Наш человек терпеть не станет. У него закон – внутри. Подкопит силы – и за топор. Иной до того за правду свою стоять готов, что с лютым врагом якшается, лишь бы по нему стало. Испокон веков с нами такое, а почему?..»

Над верхушками деревьев светлело. Во всяком случае, теперь их можно было увидеть на фоне неба. Приближался рассвет...

Когда звёзды стали гаснуть одна за другой, Николай решил, что пора трогаться в путь и развязал поручику ноги. Тот предсказуемо попытался выгадать время, убеждал подождать, но Климов не поддавался на уговоры.

Глебов шёл первым, Николай – вслед за ним, стараясь ступать след в след. Идти рядом с власовцем было, конечно, рискованно. Если мин нет, кто знает, не предпримет ли он, несмотря на данное слово, попытку сойтись в рукопашной, пусть и со связанными руками? Правда, поручик ещё и сильно хромал...

- Что с ногой? – спросил Климов.

- Подвернул вчера. Потому и остался в деревне ночевать себе на голову.

Глебов вдруг остановился. Посмотрев в направлении его взгляда, Николай заметил в траве блеснувшую в свете слабых рассветных лучей проволоку. Значит, поручик не соврал. Мины есть. И рукопашной теперь точно можно не опасаться.

До конца опасной зоны они добрались без приключений. Шёл Глебов уверенно. Видно, существовал ориентир, позволяющий быстро преодолеть минное поле. Но спрашивать о нём бесполезно – всё равно не скажет.

Когда болото закончилось, поручик остановился и сказал:

- Всё. Пришли.

Подозревать его во вранье причины не было, но Климов всё же приказал пройти вперёд ещё метров десять. Власовец выполнил приказ прогулочным шагом.

- Достаточно? Я могу возвращаться?

Некоторое время они стояли и смотрели друг на друга.

- Вали, пока я добрый.

Поручик двинулся к болоту. Николая вновь обуревали противоречивые мысли. Что, отпустить врага просто так? Предателя-власовца? Отпустить проводника, который способен вывести партизан из болота? Да, он дал слово. Но это касается лишь его самого. Разве кто-то другой обязан умирать ради

сохранения доброго имени красноармейца Климова? Надо любой ценой привести поручика к партизанам и заставить вывести их из западни. Главное – спасти людей. Это искупит всё. Николай достал пистолет.

Глебов, словно почувствовав это, остановился и обернулся.

Они снова смотрели друг на друга. Смотрели неотрывно. Молчали и смотрели. Их, двух русских людей, говоривших на одном языке, родившихся на одной земле, слушавших в детстве одни и те же сказки, разделяло не больше двадцати метров. Но, если бы кому-нибудь удалось сейчас заглянуть в их глаза, он сразу понял бы – между ними бесконечность. И даже самой быстрой на свете пуле её не преодолеть.